

*Международный
писательский проект
ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД*

Вместе с Питером

Сборник рассказов

Инесса Барра Майя Дмитриева Валерия Стрекаловская
Татьяна Баженова Мануэла Арапова Майя Голдобина
Светлана Громович Анна Киселева Светлана Дмитриева
Юлия Калимуллина Ксения Орлова Татьяна Парамонова
Людмила Ворожбицкая Алевтина Попова Виктория Чайка
Елена Норкина Рита Аллен Ирина Яценко Алена Стимитс
Юлия Виноградова Наталья Кирюшина Ольга Стрикунова

Ольга Стрикунова
Майя Голдобина
Ксения Орлова
Юлия Калимуллина
Ирина Яценко
Наталья Кирюшина
Виктория Чайка
Рита Аллен
Людмила Ворожбицкая
Мануэла Арапова
Елена Норкина
Татьяна Баженова
Татьяна Парамонова
Юлия Виноградова
Валерия Стрекаловская
Майя Дмитриева
Светлана Громович
Алёна Стимитс
Анна Киселёва
Светлана Дмитриева
Инесса Барра

Алевтина Попова

Вместе с Питером

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68944635

SelfPub; 2023

Аннотация

Вторая книга Международного писательского проекта «Женский взгляд» приглашает вас в один из самых притягательных, величественных и загадочных городов мира – Санкт-Петербург. Прогуляемся по питерским улицам с героинями рассказов – нежными и сильными, мудрыми и смешными, ранимыми и бесстрашными женщинами. Совершим путешествие на машине времени, распутаем узлы семейных тайн, окунемся в омут любовных переживаний, подружимся с местными котами и узнаем, как найти себя вопреки непростым обстоятельствам. Нас ждет город смыслов и судьбоносных встреч.

Содержание

Аглая	16
Короткая болезнь	27
Кресло	33
Старшая сестра	41
Старушка по обмену	49
А ты смогла бы?	57
Там, где истоки. Алина	69
Там, где истоки. Анна	79
Конец ознакомительного фрагмента.	87

**Юлия Калимуллина, Алёна
Стимитс, Алевтина Попова,
Мануэла Арапова, Инесса
Барра, Наталья Кирюшина,
Татьяна Баженова,
Майя Дмитриева,
Ирина Яценко, Ольга
Стрикунова, Виктория
Чайка, Елена Норкина,
Светлана Громович,
Людмила Ворожбицкая,
Валерия Стрекаловская,
Рита Аллен, Татьяна
Парамонова, Майя**

Мост

Майя Дмитриева

Марина

«Небывалая осень построила купол высокий», – вполголоса проговорила худенькая светловолосая девушка в распахнутом бирюзовом плаще и медленно двинулась по ночному Литейному проспекту, оставляя за спиной Невский, Кирочную, высокие здания с широкими арочными окнами и узорчатыми карнизами, а еще – двухэтажный изящный особняк с сияющей надписью «Казино «Олимпия», из дверей которого она выскользнула в полном одиночестве несколько минут назад.

«Был приказ облакам этот купол собой не темнить, – в такт шагам звучали в голове строчки ее любимого стихотворения, – и дивились люди... Да уж, люди дивились, не поспоришь... Хотя, ничего странного, обычная семейная сцена в таком месте, ничего примечательного. Но почему же я-то сама все еще удивляюсь, почему закрываю глаза на очевидное? Леша – игрок, давно и бесповоротно. Я ничего не могу с этим поделать, пора наконец признать это».

Марина миновала Шпалерную и замедлилась, проходя мимо стен Большого Дома. Громадное здание давило, нависало над нею, Марине всегда здесь почему-то было тяжело дышать и хотелось поскорее пройти это жуткое место. Всегда, но не сегодня – сегодня она хотела дать Алексею шанс

догнать ее, продлевала самообман, растягивая минуты, когда все еще возможно исправить, вернуть.

«И крапива запахла, как розы, – автоматом выдавала память. – Как розы! Розы кончились, теперь только крапива. Неужели не догонит, неужели он все еще стоит там, у затынутаго зеленым сукном стола, не отводя от сверкающей рулетки блестящих, воспаленных после почти десяти часов игры, глаз. Услышал ли он, что я ухожу и буду ждать его у моста?»

«Не буду оборачиваться, – приказала себе Марина, – как там у тетки, «зубы втиснула в губы, плакать не буду. Самую крепость – в самую мякоть, только не плакать».

Вот и набережная. Она, не останавливаясь, дошла до середины моста и, опершись о перила, посмотрела вниз. Конец сентября, белые ночи давно отцвели, Нева скорее угадывается в полумраке, чем видится, но действительно, «куда провалились студеные, влажные дни»? Необыкновенная для осеннего Петербурга погода: ясное небо, безветрие, теплый прозрачный воздух – все вокруг как будто готовилось к переходу в другое состояние, в другую реальность.

На мостах, обрывах, высоких смотровых площадках, на палубах прогулочных катеров – одним словом, везде у перил, бортов, особенно вблизи воды Марина всегда чувствовала странное волнение. Воображение рисовало картину, как она прямо сейчас может простым и незаметным движением выбросить за черту какой-то важный предмет, который вертит в руках – ключ от квартиры или машины, мобильный

телефон, зонтик, сумочку. Вот и сейчас она протянула руку над водой и представила, как разжимает пальцы, и в самом глубоком месте Невы на дно медленно опускается мобильный телефон. Бесповоротно. «Лучше уж ключи от его квартиры, которые лежат в сумочке». Преодолев наваждение, она повернулась и медленно зашагала на противоположный берег Невы.

Борис

Аккуратно сложенный пополам бумажный листок белел на краю кухонного стола. Борис увидел его, еще не успев включить свет, и мысленно прочел, еще не успев развернуть.

«Привет! Ждала тебя всю жизнь и до полуночи сегодня. Больше не могу. Поезд в Москву отправляется в 02:05. У меня два билета. Приезжай, если еще что-то значит для тебя наша семья. Ира».

Борис бросил взгляд на круглые настенные часы: начало второго. Гражданский проспект, но без пробок сейчас, конечно, можно успеть. Он схватил куртку, и, хлопнув дверью, слетел вниз по лестнице панельной многоэтажки, не дожидаясь лифта.

Борис и Ирина познакомились на втором курсе Финэка. Роман был ярким, безоблачным и стремительно катился к свадьбе, хотя однокурсницы недоумевали, как могут такие разные люди решиться на совместное счастье. Ирина – заводила студенческих вечеринок, сердцеедка и взбалмошная красавица, знающая себе цену и четко представляющая свои

жизненные цели. Борис – задумчивый флегматик, местами зануда, влюбленный в историю Петербурга и читающий наизусть стихи поэтов Серебряного века, склонный скорее размышлять над ценностями, чем обдумывать цели. Ну, а однокурсники просто завидовали Борьке, которого предпочла эта блестящая длинноногая кокетка с огненными кудрями и смехом, заставляющим вздрагивать и замирать сердце любого среднестатистического мужчины.

У Ирки был врожденный фильтр на среднее и статистическое. И она попала «в десятку». После института тихоня Борис сразу нашел работу экономиста в мостостроительном тресте, быстро пошел в гору по карьерной лестнице, а когда в девяностые предприятие стало коммерческим, то открыл в себе не только талант экономиста и организатора, но и бизнесмена. Квартира в новостройке, два автомобиля, строящийся в Курортном районе загородный дом – все то, о чем можно было мечтать, особенно во времена, когда большинство жителей страны выживали, едва справляясь с новой реальностью.

Ирина была счастлива, несмотря на то, что мужа мало интересовали рестораны, модные тусовки и дорогие поездки на заграничные курорты, и присоединялся он к ее радостям жизни, скорее, из чувства долга. А Борису не хватало приятельских старомодных вечеринок с играми в крокидила, байдарочных походов и еще литературного кружка, который он с готовностью забросил, все больше реализуясь в профессии.

Ведь он был по уши влюблен. «Я безумно боюсь золотистого плена ваших медно-змеиных волос», – напевал счастливый Борька на ухо возлюбленной знаменитый романс Вертинского о волшебной аристократке Ирене с тонкими чертами лица и загадочной душой. Он действительно бросил ей сердце, как мячик, но поймала ли его принцесса Ирен – это еще был вопрос. Романы не находили отклика в ее душе, но к мужу она была нежно привязана, несмотря на его странные причуды, гордилась своим браком и была за него благодарна судьбе. Судьбе? Свою жизнь Ирина построила сама, разве могло быть по-другому?

Борис все больше уходил в работу, мельком бросая взгляд по вечерам на книжную полку с любимыми стихами, а свое пристрастие к музеям, пешим прогулкам по городу и зимним лыжным пробежкам делил с дочерью. Аня как будто была послана им как ангел-хранитель, связующее звено, мост между такими разными берегами. В ее сердце уживались любовь к несовременной культуре романсов, бардовской песни и ахматовских стихов и удовольствие от простых радостей жизни. Она обожала комфортный отдых на морских курортах, поездки в диснейленды по мировым столицам, а когда повзрослела, то могла соперничать с мамой в притязательности к собственному гардеробу, прическе и маникюру.

И только когда дочь выросла и уехала учиться, Ирине стало казаться, будто что-то важное уходит из их семейной жизни. Она стала просить Бориса возвращаться домой раньше,

но это оказалось непросто, он действительно был занят все новыми и новыми проектами. В выходные Борис часто оставался дома, и внезапно Ирина ощутила, что ее интересы так и не стали для них общими. Даже когда им удавалось проводить время вместе, он скорее терпеливо скучал, чем наслаждался. Психолог советовала ей не спешить с выводами и предлагала поискать новые ресурсы для обновления отношений и возвращения близости. Но все чаще, оставаясь вечерами одна, Ирина задавала себе вопрос: а была ли близость? Что возвращать?

Литейный мост

Марина спустилась на Пироговскую набережную прямо у моста, положила сумочку на ступеньки и присела, задумавшись. Начало второго. Желание плакать совсем пропало, и она с любопытством прислушивалась к оглушительной тишине, которая разливалась у нее в груди. Безветрие и пустота внутри были совсем такими же, как свежий, почти неподвижный воздух снаружи. Пусто, ноль. «Порвалась дней связующая нить», – вспомнила она пастернаковский вариант «Гамлета». Марина замерла, и, как будто в ответ на ее ощущения и мысли, шестой пролет Литейного моста бесшумно отделился от быка и медленно, как в каком-то сюрреалистическом фильме или сне, стал вздыматься к небу.

Марина зачарованно следила за разведением моста и с каждым сантиметром увеличивающегося разрыва чувствовала, что болезненная привязанность освобождает ее душу.

Больше не нужны ни оправдания, ни обещания, ни надежды. Осталась только она с опустошенным спокойным сердцем и где-то там, надежно отделенный от нее вольной рекой и громадой вздыбленной широченной полосы асфальта, тот, кто раньше был ее вселенной.

Борис мчал по ночному Питеру, понимая, что время в запасе еще есть. Только миновав Лесной, он заметил, что движение транспорта по проспекту замедлилось и внезапно вспомнил, что Литейный мост разводят в 01:40. Еще немного, и в перспективе улицы встал огромный, вздыбившийся с противоположного берега Невы, пролет моста, как в странном сне взметнувшийся к небу. «Как будто проглотить хочет», – подумал Борис, захлопнул дверцу припаркованной иномарки и снова безуспешно попробовал набрать номер жены.

В сердцах пнув автомобиль по колесу, он застегнул ветровку и медленно побрел в сторону Пироговской набережной, пытаясь собраться с мыслями. «Слов моих сухие листья ли заставят остановиться, жадно дыша? Дай хоть последней нежностью выстелить твой уходящий шаг», – неожиданно прилетел ему на память привет от Маяковского.

«Последней? Почему последней? Напишет, позвонит, нельзя же вот так в один момент зачеркнуть то, что... Что? Что я не хочу зачеркивать? Не обманываю ли себя?»

Спустившись к Неве, он закурил и увидел женскую фигурку в бирюзовом плаще, присевшую на ступеньках гранит-

ного спуска. Затаившись, он нарушил тишину:

– Не простудитесь, погода обманчива, а питерский гранит еще больше.

Девушка обернулась. Голубые глаза, светлые прямые волосы.

– Да, тепло, осень какая-то весенняя, что ли.

– «И весенняя осень так жадно ласкалась к нему, что казалось – сейчас зацветет белоснежный подснежник», – подхватил Борис.

– «Вот когда подошел ты, спокойный, к крыльцу моему», – с улыбкой закончила Марина и поймала его радостный изумленный взгляд.

Неожиданный порыв ветра заставил ее поежиться, встать со ступенек и запахнуть плащ. Капля дождя, потом другая упала на лицо Бориса. Петербург словно решил напомнить о своенравном, непредсказуемом своем характере.

Они поднялись на набережную. Марина пожалела о своей нелюбви носить с собой зонтик и беспомощно оглянулась в поисках крыши.

– Боюсь, сейчас все уже закрыто. Если хотите, можем переждать дождь в машине, а потом мост сведут, и я подброшу вас, куда нужно. Все равно сам уже везде опоздал, – предложил он, удивляясь своему напору и одновременно чувствуя совершенную естественность и даже неизбежность своих слов и действий.

– Спасибо. Знаете, я не могу отказаться. Меня зовут Ма-

рина. А вас?

Стихи, использованные в рассказе:

А. Ахматова «Небывалая осень построила купол высокий»

А. Вертинский «Пани Ирена»

В. Маяковский «Лиличка»

М. Цветаева «Поэма конца»

У. Шекспир (перевод Б. Пастернака) "Гамлет"

Аглая

Алёна Стимитс

«Совсем обнаглели, – с возмущением подумала Аглая, выскочив на площадку, – я им не пустое место!»

Она неслась по лестнице, прислушиваясь к звукам за спиной. Вот хлопнула дверь. «Неужели заметил? Точно – *он!* Тоже мчится вниз, за мной. Того и гляди поймает». Аглая запаниковала.

– Стой, глупая! Куда ты?! – крикнул Степан.

«Ну уж нет!»

Она долетела до первого этажа. В дверях столкнулась с Петровичем из пятнадцатой. От неожиданности тот аж отпрянул назад и выругался.

«Уф, вроде, оторвалась. Скорее на Невский. Смешаться с людьми, а там уж – попробуй найди!»

После затхлой, тусклой квартиры сентябрьский воздух показался Аглае даже не свежим, нет, каким-то вкусным. Она вдохнула поглубже, наслаждаясь этим давно забытым ощущением. Свобода!

Вынырнув из арки, беглянка сразу оказалась на проспекте. Здесь уже всю бурлила жизнь. Служащие спешили на работу, приезжие пилились по сторонам, вереницы машин плотным потоком двигались в обоих направлениях. На се-

кунду Аглая замерла в нерешительности, оглушенная звуками и запахами улицы, но времени на раздумья не было. Слившись с толпой и подчинившись ее вибрациям, Аглая зашагала в направлении Дворцовой площади. Перевести дух ей удалось лишь через пару кварталов, когда стало окончательно понятно, что Степан упустил ее из виду. Аглая повертела головой и, не усмотрев рядом никаких опасностей, начала осмысливать все произошедшее.

«Тут вроде неплохо, – подумала она, – надо просто пообвыкнуться. Мерзавец! Держал меня взаперти столько времени! Называл это любовью. А я-то, тоже хороша! Растаяла. Поверила. Тьфу, дура!»

Этот побег был не первым. Однажды Аглая уже совершала подобную попытку, но та закончилась неудачно. Тогда, заплутав в соседних дворах-колодцах, она попала под холодный ливень и насквозь промокла. В таком виде, всю дрожащую и замерзшую, ее обнаружил Степан, метавшийся по всей округе. Пару недель Аглая была больна, почти ничего не ела, а только лежала, безучастно глядя в стену. Конечно, *он* хотел знать причину бегства. Весь осунулся, работал дома и ни на шаг не отходил от нее. Но что она могла сказать, если и сама не знала?

Аглая, возможно, и дальше копалась бы в прошлом, если бы не велосипедист, который в этот момент пролетел мимо, каким-то чудом ее не задев. Она дернулась и, отскочив в сторону, ошарашенно посмотрела ему вслед.

– Совсем одурел! – заорала дородного вида тетка, шедшая рядом. – Ироды! Управы на вас нет! Не зашибли тебя? – обратилась она уже к Аглае. Та ничего не ответила – фамиллярность женщины ей не импонировала – посторонилась и молча продолжала свой путь.

«И как я сразу не поняла, что эта Кристина – наглая, абсолютно беспринципная аферистка?! – размышляла Аглая. – Такие обычно от других только выгоду ищут. Еще прибеднялась: мужик, дескать, бросил. Жить негде, – Аглая презрительно фыркнула, – а теперь что? Степана окрутила, на жалость давит. *Он* уж и поддался – беседует с ней, кофе пьет... ни ума, ни такта у этой вертихвостки. А ведь говорил *мне*, что любит...»

Последняя фраза рефреном отзывалась в ее голове, повторялась, как навязчивая мелодия, от которой хочешь, но не можешь избавиться. Ей было обидно, противно, мерзко осознавать, что любимый с такой легкостью променял ее на другую. Да еще на кого!

Внезапно ход ее мыслей прервался. Из ближайшей пышечной шел божественный запах. Так может пахнуть только свежеиспеченная сдоба с корицей и ванильным кремом. И, как бы грустно вам ни было, одна такая булочка способна поднять настроение. А если две, то и вовсе – преобразить ваш день. Тут уж даже не спорьте! Если же вы все-таки вступите в полемику, значит, вам просто не попадалась хорошая выпечка.

А вот Аглае в этом плане везло. Не сейчас, конечно, а раньше, еще до встречи со Степаном. Тогда она частенько позволяла себе лакомиться аппетитными пышками возле Дворцовой площади.

Запах манил. Бил в ноздри с чудовищной силой и безжалостно напоминал о том, что Аглая с вечера ничего не ела. И вроде бы что за проблема? В солнечное утро нет ничего лучше, чем присесть за симпатичный столик на улице, балуя себя чашечкой ароматного кофе и пухленькой, тепленькой, воздушной сдобой с корицей. Но вот беда – денег у беглянки не было.

Чувство голода одолевало. Аглая потерлась около заведения, поглазела в окна кафе и даже зашла в зал. Однако, поняв, что просто нахождение внутри вряд ли приблизит ее к заветной цели, несчастная вздохнула и побрела дальше.

«Ведь я как раз шла на кухню. Завтракать, – промелькнуло в ее голове. – Дверь в спальню была приоткрыта, а там... *он* и Кристина... вместе... в постели... Ах, если б только не эта дверь!»

Рефрен опять назойливо закрутился.

«Куда теперь? Разве что к Ангелине Юрьевне. Попрошусь назад, на работу. Может, возьмет. Ага, как же, без паспорта! Да и шутка ли – столько времени прошло. Но все равно...»

Около парапета на канале Грибоедова Аглая остановилась. Небольшой катерок чуть слышно дышал на воде. Путница склонила голову и некоторое время наблюдала за его

мерным покачиванием. Вдоволь насмотревшись, она перевела взгляд на гладкую поверхность и стала всматриваться в ее глубь с такой отрешенностью, словно в мире, кроме этого моста и этой воды, ничего более не существовало. Аглая щурилась, раздувала ноздри и пробовала воздух на вкус. Он пах пылью и немного тиной. И кофейными зернами – совсем как на кухне у Степана, ей так нравилось проводить там время по утрам. Да, еще сухими листьями. И корюшкой. Впрочем, корюшкой пах вообще весь Питер.

Изящная, застывшая фигурка Аглаи выделялась на фоне спешащего мегаполиса, выглядела оторванной от реальности, но этот контраст был лишь кажущимся. Множество мыслей вертелось в голове беглянки. Они скакали, кружились, подобно осенней листве, лихорадочно сменяли одна другую. Совершив внезапный побег, продиктованный не разумом, а ревностью, Аглая была внутренне не готова к тому, что теперь ей придется принимать решения самостоятельно. Где-то жить, как-то зарабатывать – пока она даже не знала, с чего начать. Да и работать-то не особо хотелось, она уже привыкла быть на содержании. *У него.*

– Привет, красавица! Что, покататься захотелось? – какой-то тип в потертых кроссовках и неподшитых снизу джинсах тоже оглядывал воду. Явно клеился. Совсем не странно: рыжеволосая, зеленоглазая, утонченная Аглая всегда привлекала к себе внимание мужчин. Да что там говорить, и женщин тоже. Очень уж она выделялась из толпы,

цепляла глаз своей яркостью и хрупкостью. Мнимой беззащитностью.

Аглая в беседу не вступала, но и уходить не торопилась. «Вроде не опасен. И отвращения не вызывает. Может, закрутить с ним? В отместку Степану, – какое-то время Аглая раздумывала. – Не буду, – наконец, решила она. – Запашок странноватый. Пьет, наверное. А если и нет, то Степану этот мужлан все равно даже в подметки не годится. *Он*-то всегда с иголки. Глаженная рубашечка, галстучек, блестящие пуговицы. А запах, божечки, как пахнет *мой* Степан!..»

Она опять погрузилась в себя, перебирая то одну, то другую деталь из прежней жизни с ненавистным, но таким обожаемым мужчиной. Перекатывала воспоминания, как маленькие шарики, оживляла интонации любимого голоса, заново отдавалась прикосновениям, наслаждалась близостью *его* тела... «Нет. Никто не сможет заменить Степана».

Проигнорировав заигрывания незнакомца, Аглая двинулась дальше. Ее смыслом теперь была Дворцовая площадь – место, где она раньше работала. Центр ее мира.

Она любила этот город, хоть и плохо его знала. Да и нужно ли знать целое, если ты доволен малым? Из Питера Аглая ни разу не выезжала. Отца своего никогда не видела. А мать, всю жизнь отдавшая музею, часто повторяла, что надо уметь быть счастливой там, где ты есть. Еще в детстве Аглая впитала в себя эти слова и училась получать удовольствие от тех немногих вещей, которыми одарила ее жизнь. В конце

концов, дело ведь не в количестве, а в глубине восприятия того, что нас окружает.

Она миновала арку Главного штаба. Вот и площадь. За время отсутствия Аглаи здесь ничего не изменилось: туристы все так же отдыхали на брусчатке, дамы в старинных костюмах позировали фотографам, а переодетый Петр Первый уныло бродил меж ними. Самокаты, уличные музыканты, одуревшие от экскурсии дети – все это Аглая наблюдала уже много раз. Спугнув стаю наглых голубей, она двинулась напрямиком к Эрмитажу. Ни на что особо не рассчитывая, повертела головой в надежде увидеть кого-то из тех, с кем вместе работала, но фортуна сегодня явно не улыбалась ей.

Огромный черный кот, вальяжно развалившись, ловил последние теплые лучи осеннего солнца. Он повернул морду в сторону Аглаи и долго, неотрывно на нее таращился. «Ну и пузо отрастил, кто ж его раскормил-то так?» – с непонятным для нее раздражением подумала Аглая. Пустой желудок тут же отозвался, отреагировав на мысль о еде.

Она вдруг вспомнила свой первый день в квартире Степана. «Мы приехали к *нему* домой и заказали семгу. Из ресторана. Большие сочные куски. Сидели вдвоем на кухоньке и лакомились нежной рыбьей плотью. *Он* так смешно держал вилку. А потом, боже, потом кормил меня клубникой... прямо с ладони... обмакивал ягоды в сливки... а я... я вылизывала его пальцы. Степан смеялся, лил шампанское на стол, и мы, как два идиота, лакали его... прямо с поверхности...

в какой-то параллельной вселенной. Пьяные. Восторженные. Застрявшие меж двух миров. Ведь и сейчас, где-то, наверное, есть этот день, и там мы оба – до сих пор счастливы. Вечно пьяны. И время бессильно... а после того дня *он* меня уже ни разу не баловал, – заключила Аглая, обращаясь к коту. Тот моргнул, но ничего не ответил. – Да что с мужиков взять, все вы одинаковы!»

Аглая вновь переключилась на свой план, точнее, на его отсутствие. Добравшись до места своей бывшей работы, она решила действовать интуитивно, выключив мозг и не думая больше ни о страхах, ни о потенциальных неудачах.

«Надо во что бы то ни стало попасть к Юрьевне. Сделать грустные глаза. Поплакаться. Ангелина – женщина сердобольная, глядишь, и пристроит на прежнее место. Но как попасть на служебную часть без пропуска? Впрочем, что там думать – надо делать».

Аглая направилась ко входу в Эрмитаж. Народищу было как-то уж слишком много. «Третий четверг месяца, бесплатный вход, – вспомнила она и обрадовалась. – Что ж, очень кстати». Проскочила вместе с другими – маленькая, щупленькая – это даже не составило труда – и напрямик на лестницу, в противоположную от толпы сторону.

– Эй, куда! – возмутилась дежурная. – Пал Варфоломеич, ну помогите! Что вы руками-то разводите?!

«Видно, из новеньких. А бусики какие чудные, – успела подумать Аглая. – Сколько помню здешних пенсионеров,

они все носят жемчуг, – размышляла она, уже поднимаясь на верхний этаж, – натуральный, искусственный. Аккуратная ниточка на шее. Может, без бусинок сейчас не берут на работу? Тьфу, глупость какая».

Дойдя до третьего, Аглая остановилась. Дальше прохода не было. Только пропускная электронная система для сотрудников. Снизу, кряхтя, за ней топал Варфоломеич. «Уж этот-то должен узнать – всю жизнь здесь работает. Объяснюсь, пусть ведет к Ангелине».

Тут, о счастье, дверь открылась, и кто бы вы думали – сама Ангелина Юрьевна появилась в проеме. Ахнула, покачала головой и посторонилась:

– Аглаюшка, ты к нам? Заходи давай! Какими судьбами?

«Совсем старенькая стала, но спину держит все так же ровно и с ужасной красной помадой никак не расстанется. Вот всегда хотела ей сказать – ну не вяжется этот цвет ни с пучком, ни с ее интеллигентным лицом».

Зашли в кабинет.

– Степа уж давно к нам не забегает, – посетовала ее бывшая начальница. – На вот тебе печеньеца, угощайся, – Ангелина Юрьевна стала куда-то звонить. – Здравствуй, Степушка...

«О нет, только не *ему!*» – Аглая аж крекером подавилась.

– Мама-то что, здорова? А сам? У меня гостя тут: Аглая, собственной персоной.

Ангелина замолчала. Степан начал что-то объяснять ей в

трубку.

— Ах, вон как... — женщина с беспокойством глянула в сторону Аглаи. — Так заедешь?

Он примчался через полчаса. Ворвался в кабинет, принес с собой целый букет знакомых запахов: парфюма, кофе, кухни, своей рубашки... Аглая смотрела на блестящие пуговицы и млела. Растекалась по старенькому диванчику. Пульсировала каждой жилкой. Вселенная сотнями светил разлеталась вокруг нее. Обволакивала теплом. Кружилась яркими звездами. Он здесь.

— Аглая, моя хорошая, я ж весь Невский обегал. Чуть с ума не сошел, — Степан присел рядом с ней, погладил по спинке, притянул к себе. — Ну что ты себе надумала?! С Кристиной не сошлись? Все, уехала она — хозяин ее забрал. Теперь только ты и я.

Аглая взглянула на него бездонными глазами, хотела было замурлыкать, но потом передумала. Вместо этого чуть дернула кончиком хвоста и, отвернувшись, стала горделиво рассматривать оконную раму.

Примечание: Эрмитажные коты — кошки, официально содержащиеся на территории петербургского Зимнего дворца со времени его постройки в целях предотвращения интенсивного размножения крыс и мышей в Государственном Эрмитаже.

Коты могут свободно передвигаться по территории Эр-

митажа, но вход в музейные залы им воспрещен. Сама сеть подвалов (почти двадцать километров), где живут и охотятся коты, называется «большой кошачий подвал». Летом коты проводят больше времени снаружи, на газонах, во дворах. У каждого Эрмитажного кота есть свой паспорт, с отметками ветеринаров и фотографией.

В год 250-летия Эрмитажа директор музея Михаил Пиотровский сообщил об установленном лимите в 50 котов, поэтому «излишки» музей отдал в хорошие руки. Чтобы контролировать «лимит» котов, их регулярно пристраивают на акциях «Хочу домой». Новый хозяин получает сертификат «Владелец Эрмитажного кота», дающий право пожизненного бесплатного посещения выставочных залов.

«В Эрмитажных котах самое главное – это душа, своя особенная душа Петербурга... Это не порода, а особый род – Эрмитажные коты». (Анна Кондратьева).

Информация взята из Википедии.

Короткая болезнь

Ксения Орлова

Надо же было такому произойти! Прямо перед прилетом Любимого она заболела. Заболела ветрянкой, детской болезнью, и это в тридцать-то лет! Вот что значит не ходить, как положено всем малышам, в садик.

Теперь поднялась высокая температура, и, лежа в постели, она с ужасом ощущала, что ее лицо и тело все больше и больше покрываются гадкими пупырышками.

«Превращаюсь в жабу», – в отчаянии подумала она. Почти без сил намазала зеленкой все, что уже появилось, и решила выспаться – сон всегда помогает.

Наутро она чувствовала себя гораздо лучше, но предательские зеленые пятнышки все еще были на месте. Эх...

Она так ждала этого момента! Считала дни, часы, минуты. И вот, наконец, она здесь, в аэропорту – приехала на машине встречать Его!

Как назло, рейс задерживался. Пока стояла на парковке и ждала прибытия самолета – перебирала в памяти отдельные моменты истории их любви.

Между ними с самого начала полетели искры и молнии. Раньше она и представить себе не могла, что так бывает. Просто встали рядом в одну очередь, посмеялись забавному

происшествию – и вот уже познакомились, а в разговоре обнаружилось, что живут в соседних номерах.

Дальше налетела такая круговерть, что сложно выделить детали. Остались только ощущения – кружится голова, бешено стучит сердце, от одного Его взгляда кровь приливает к щекам, и кажется, что ты куда-то несешься, летишь... Куда? Некогда было остановиться и разобраться в себе. Состояние сродни болезни – голова соображает плохо, ты будто сама не своя... Не своя, а вся до последней клеточки принадлежишь Ему.

Они много гуляли. Он, как профессионал, постоянно снимал ее на камеру, любуясь ее точеной фигуркой. Вот она на ступеньках древнего монастыря, вот сидит в парке на скамеечке, а вот выходит из моря – вся в капельках воды.

– Ты прекраснее Афродиты, – говорил Он, и она верила, знала – это именно так. Чувствовала себя красивой, неповторимой и, главное, любимой. Никогда еще ее сердце не стучало так громко, никогда еще не задыхалась она от одного легкого касания руки. Он научил ее смаковать макиато, запивая его ледяной водой. От кофе у нее всегда была тахикардия, а в эти дни сердце колотилось и от кофе, и от присутствия любимого рядом.

Дни летели стремительно, торопя друг друга. Ей пора было возвращаться домой. Как расстаться, как оторвать себя от Него – она не понимала. Когда шла на посадку, казалось, что нет сил подняться по трапу, а глаза распухли от слез.

Уже в самолете, пытаясь отвлечься, она взяла томик Кундеры. Слова о том, что случайности слетаются на плечи влюбленных, запали в душу. И тут же стали пророческими.

В красочном журнале авиакомпании обнаружила рекламные фотографии курорта. Автором снимков был ее Любимый. Как это здорово, Он словно бы на миг оказался рядом: ведь эти фотографии – Его взгляд, Его точка зрения, Его мироощущение. И все-таки это больно! Осознавать, что совсем недавно Он держал тебя в своих руках, а сейчас – с каждой секундой расстояние между ними неумолимо увеличивается...

А дальше потянулись долгие месяцы, наполненные ожиданием, перепиской, созвонами по каждому поводу и без. Все мысли, все впечатления она теперь разделяла с Ним. С Любимым.

Они вместе мечтали о встрече и строили планы. Он готовил проект по Петербургу для очередного глянцевого журнала, и редакция на неделю отправила его в Россию.

Ура, он прилетает в ее город, в ее Питер! Она не просто снова будет рядом с ним, она покажет Ему то, что служило для нее опорой все эти месяцы. Ей было известно, как многие относятся к городу – холодный, равнодушный, имперский – куча эпитетов. Но для нее он выглядел по-другому. Она чувствовала его душу, знала и любила все закоулки, перекрестки каналов, скверики.

Когда увидела, наконец, на выходе из здания аэропорта

знакомую долговязую фигуру, ноги предательски подкосились. Всегда такая легкая, она шла навстречу ему медленно, как во сне. Вдруг волшебства больше не будет? Но нет, все по-прежнему. Он обнял ее, захватил в плен своими большими руками, закружил, горячо и пронзительно ошпарив взглядом, да так, что сердце сразу сжалось – как же остро! Он посмеялся по-доброму над зелеными пятнышками на ее лице и теле: «Ты у меня леопард, да? Тебя даже ветрянка не портит, моя красавица!»

И поехали, понеслись по улицам. Хотелось рассказать и показать все, что накопилось за долгие месяцы разлуки. Кажалось, не было тех разговоров по телефону, видео по скайпу – вживую все получалось важнее, интереснее.

На следующий день отправились гулять по городу. Ее маленькая ладошка в его руке. Любимый рядом. Что может быть лучше?! Он много снимал, выполняя заказ издательства. Она помогала – заранее прорабатывала маршруты, подсказывала, какие сделать акценты.

Но вдруг в какой-то момент поймала Его скептический взгляд, направленный на Исаакиевский собор. Наверное, показалось.

– Милый, тебе не нравится?

– Нравится, да... Но... как-то уж слишком вычурно, и зачем столько золота?

Потом, разглядывая город с колоннады, Он высказался уже более явно:

– Дааа, не Барселона.

Каждое из ее любимых мест встретило если не критику, то равнодушие.

Сидя в машине, она размышляла: «Что не так? Почему все важное для меня, все, что так сильно мне нравится, не находит отклика в Его душе?»

Дни опять летели в сумасшедшем темпе.

Вечера проходили как прежде. Они были вдвоем, и не нуждались в словах. А вот днем... Колкие замечания в адрес очередной слишком золотой церковной маковки, усмешки, подсчет трат на украшения парадных залов во дворцах.

– Вы, русские, слишком любите китч. Это безвкусно. Да и ты, я смотрю, здесь, в Петербурге, порой одеваешься слишком вызывающе.

Она задумалась. Да, каблуки высокие, но она привыкла на них летать. Пожалуй, и платье чуть коротковато, но на ее стройной фигурке оно смотрелось так стильно...

В последний день, перед тем, как выехать в аэропорт, она стояла перед зеркалом. Он подошел сзади, нежно обнял и, разглядывая ее отражение, сказал:

– Смотри, какая короткая болезнь – пятнышки уже совсем прошли, и ты теперь не леопард.

– Да, не леопард, – почему-то грустно повторила она.

У лестницы в аэропорту они попрощались. Он поехал вниз по эскалатору, а она осталась. Стояла и смотрела, как его долговязая фигура с каждой секундой удаляется от нее,

становясь все меньше и меньше. Она поймала себя на мысли, что наблюдает за происходящим как-то отстраненно, словно за сценой из фильма. Он растворялся постепенно. Сначала скрылись из виду его ноги. Затем исчез свитер, который они вместе выбирали. А вот уже не видно и головы. Ничего не осталось...

Она стояла одна, слез не было. Стояла и думала: «И правда, какая короткая болезнь».

Кресло

Татьяна Парамонова

В ее жизни откуда-то взялось море свободного времени. Нет, она, конечно, знала откуда. Успешная защита кандидатской дала ей, наконец, возможность выдохнуть. Если бы она протянула еще немного, скорее всего, ничего бы не состоялось, ведь через месяц после защиты диссертационный совет в институте был распущен.

От самого института тоже мало что осталось: денег в 1991 году совсем не платили и многие разбрелись кто куда. Ей повезло, сработала актуальность темы и она перешла в коммерческую структуру. Не пришлось менять даже направление. Все та же ядерная геофизика, только зарплата большая, и работать можно дома, не отвлекаясь на болтовню коллег, посторонние звонки и непродуктивные планерки. Рабочий график можно строить как нравится. И вот оно – свободное время.

Июль. Тепло и безветренно. Поработав до полудня, она решила прогуляться. Пусть сегодня это будет Петропавловская крепость. От дома до Заячьего острова ровно час обычным шагом, но туда она решила добраться на метро, а уж обратно вернуться пешком.

Торопиться домой было ни к чему. Ее никто не ждал. Так

уж получилось, что одновременно с защитой и переходом на другую работу она еще и развелась. Семейная жизнь исчерпала себя, не оставив даже сожаления. А может быть, просто растворилась в череде перемен.

На Иоанновском мосту она глянула на Малый пляж, весь заполненный телами загорающих, и прошла дальше, в крепость. Ей хотелось посмотреть новый памятник Петру, который установили месяц назад. Столько о нем сказано, но лучше увидеть своими глазами.

И правда, впечатление от работы Шемякина оказалось сложным. Неожиданные пропорции, бритая голова, длинные пальцы... Но главное было не в этом. Напряженная поза Петра, прямые углы, господствующие в образе, о чем-то напоминали.

«А ведь мое рабочее кресло совсем как у императора! Нет, попроще, конечно, но такое же некомфортное и с громоздкими квадратными подлокотниками, из-за которых не получается удобно придвинуться к столу». Она смотрела на памятник и думала, что ей теперь тоже придется много работать дома. Что ж, настало время купить новое кресло! Хотя бы такое, как было у нее на работе – на колесиках. И чтоб позволяло мягко откинуться на высокую спинку с подголовником. Будет, конечно, смахивать на офис, но зато сидеть удобно.

Она заглянула в сумку. В кармане под молнией лежала зарплата, выданная вчера: несколько упаковок трехрублевых

купюр, по сто штук в каждой. Было бы прекрасно расстаться с ними по такому поводу. Нестерпимо захотелось сделать это прямо сейчас. Но она что-то не могла припомнить мебельного магазина поблизости, поэтому решила вернуться домой и посмотреть в справочнике.

Перейдя через Троицкий мост, она отправилась не домой, а по Садовой – до Апраксина двора, чтобы заглянуть в комиссионный, где продавалась электроника: настольная лампа ей тоже нужна. Но первое, что бросилось в глаза, когда она вошла в магазин, было кресло.

Казалось, оно попало сюда с другой планеты. Из черной кожи, круглое, но вытянутое, вращающееся на блестящей стальной крестовине. Что это: поп-арт, хай-тек? Было ясно: нельзя уйти без него, ведь это комиссионка. Как появилось случайно, так и исчезнет навсегда.

– Заинтересовало? Дания, Арне Якобсен, «Яйцо», сегодня сдали, – продавец заметил ее взволнованность. – Берите! Оригинал – в художественных музеях мира! Цена такая, потому что вот здесь, слева, чуть потерто.

– А как я его повезу? У меня машины нет.

– Вообще-то мы доставку не делаем, но вы Вадика попросите. Он здесь часто халтурит, – продавец указал на молодого человека в джинсах, который уже направлялся к ним.

– Классная штукавина, в мою машину влезет, не волнуйтесь, – голос Вадима звучал уверенно и спокойно. – Четвертая Советская? Это рядом. Я пойду вещи из багажника пе-

реложу в салон.

Расплачиваясь в кассе пачками трехрублевок, она оглянулась и только сейчас заметила торшер, стоящий рядом с креслом. Ей понравилось, как все это смотрится вместе:

«Раз уж платить за доставку, почему бы не прикупить и светильник тоже?»

Однако оказалось, что в «семерку» Вадима мог поместиться только торшер. И то, если разложить заднее сиденье. Арне Якобсон не влезал в багажник, потому что крестовина не откручивалась.

– Что же делать? Вы же сказали...

– Ну если бы одно кресло, то можно было бы как-то закрепить и везти в открытом багажнике. – Вадим безуспешно пытался задвинуть поглубже выпирающие круглые боковины. – Я не ожидал, что вы еще и торшер купите.

Он поднял голову и перехватил ее взгляд:

– Погодите, рано плакать! Вас как зовут?

– Сандра. И я не плачу, – она заметила, что Вадим слишком долго не отводит от нее глаз, при этом стоит, неудобно согнувшись.

– Слушайте, я сказал доставлю, значит доставлю, – он вытащил кресло, поставил на асфальт, захлопнул багажник и запер ключом машину.

Сандра поняла, что они никуда не едут, и снова постаралась сдержать подступившие слезы.

– Значит так. Вы понесете торшер, он нетяжелый. А я по-

несу кресло.

– Куда понесу?

– На Четвертую Советскую. Вы же там живете? Три километра примерно, погода хорошая, с остановками донесем!

Выхода не было. Сандра перекинула через плечо ручку сумки, как почтальон, и взялась за стойку торшера. Вадим обхватил кресло руками, чуть сместил его вбок, для обзора, и они двинулись в сторону набережной Фонтанки.

Пройти удалось немного, лишь пару домов. Сандра видела, как постепенно до дрожи напрягаются мышцы молодого человека, старавшегося поначалу идти быстро и непринужденно. Видела, с каким трудом ему приходится держать громоздкий округлый предмет. Понимала, что он вообще не знает, что там, у него под ногами, потому что смотреть может только вперед. Ее уже перестал смущать собственный странный вид: вид девушки, идущей с торшером по центру Ленинграда. Она так прониклась состоянием Вадима, что лишь старалась не пропустить момент, если понадобится его подстраховать.

Вадим опустил кресло, встряхнул руки и перевел дыхание. Сандре показалось, что он уже сам не верит в эту странную затею и старается не смотреть ей в глаза, поэтому она предложила:

– А давайте я возьмусь за ножки, а вы за спинку, потащим вместе. Вам, правда, придется взять торшер в левую руку, но он легкий.

– Я же сказал, что сам донесу. Значит, так и будет!

Вадим постоял еще пару минут, потом неожиданно подхватил кресло и положил его сиденьем себе на голову, придерживая руками с боков. Нагрузка распределилась равномерно. Теперь он мог смотреть не только вперед, но и под ноги.

– Ну вот, сейчас нормально. Как это я сразу не догадался. Погнали! Так и разговаривать можно... Вот интересно, откуда у вас такое имя?

– Имя обычное – Александра. Просто мой бывший муж тоже был Сашка. С тех пор я себя так и называю.

– Бывший? Это хорошо.

Они понемногу приближались к Фонтанке, разговаривая о разном.

– Давайте еще отдохнем, – Сандра не очень устала, но беспокоилась за Вадима. – Вон хорошее место – у памятника Ломоносову.

В сквере они посидели на лавочке, поставив предметы интерьера рядом.

– С этим фонарем вы похожи на Диогена, который искал человека, – засмеялся Вадим.

– Да уж, Диоген проповедовал аскетизм и независимость от внешних обстоятельств, – подхватила Сандра. – Однако я не знаю, кто вы, но явно не шофер. Чем занимаетесь?

– Физику преподаю в Политехе, почти ничего не платят, а поскольку я не аскет, вот и приходится калымить. Вставляйте,

нам теперь вдоль набережной.

Когда поднялись на мост рядом с «Юношей, берущим коня под уздцы», Вадим опустил кресло. Сандра удобно туда уселась и осмотрелась. Если бы ей не пришла в голову идея срочно купить кресло красивее, чем у самого императора, она никогда бы не увидела и не почувствовала свой город таким, каким видит и чувствует его сейчас. Прохожие, которые оглядывались на нее, совершенно не смущали, тем более, что в глазах людей читалось лишь веселое удивление.

Тащиться по Невскому Сандре не хотелось – слишком многолюдно. Она предложила путь в обход, по улице Жуковского. Так можно сразу выйти к Октябрьскому залу, а там уж до дома останется всего двести метров. Путь оказался непростым: переход через Невский проспект и длинный прогон по Литейному, а когда, наконец, свернули на Жуковского, к ним приблизился молодой парень:

– Тикетá на «Машину» нужны?

– На какую машину? Нет, не нужны, тут осталось немного, – не понял Вадим.

Сандра рассмеялась:

– Это он билеты предлагает. Сегодня в Октябрьском «Машина времени»!

Окрыленные тем, что осталось недалеко и по прямой, они зашагали дальше, но на подходе к концертному залу поняли, что прогулка на этом не заканчивается. Толпа прибывала, площадь была оцеплена милицией, пройти дальше разреша-

лось только по билетам.

Сандра подошла к капитану, показала паспорт с пропиской и попросила пропустить: ее дом был уже совсем рядом. Но капитан отрицательно покачал головой:

– Если бы вы с пустыми руками шли – еще туда-сюда, а так, нет, и не просите! Только в обход по Лиговскому! Еще бы двуспальную кровать принесли!

Сандра посмотрела на Вадима.

– Ну значит не двести метров, а восемьсот. Теперь уже без разницы, – улыбнулся он ей, – только я умираю от голода. А ты?

– У меня в морозилке есть сосиски, будешь? – неуверенно предложила Сандра.

– Люблю сосиски! И, кстати, ты еще не рассказала, зачем тебе понадобилось это кресло.

Старшая сестра

Ольга Стрикунова

Кристина медленно открыла глаза, и первое, что она увидела, было кресло самолета пассажира в переднем ряду. Девушка дернулась и попыталась подняться, но ее остановил ремень безопасности. Куртка, лежавшая на коленях, соскользнула на пол, соседка обернулась на странное поведение.

– Прошу прощения.

– Плохой сон?

Кристина кивнула.

«Спокойно, Кристина, думай, думай, надо для начала понять, куда ты летишь».

Девушка помнила, как вчера вечером ходила вместе с коллегами отмечать окончание проекта, помнила, как пила текилу, и как ее подруга ушла домой около часа ночи, на этом воспоминания заканчивались.

Кристина подняла с пола куртку и проверила карманы, в левом лежал чек из бара и телефон, в правом – билет на самолет до Санкт-Петербурга, и согласно времени на телефоне, лететь оставалось час. Кристина откинулась на спинку кресла и решила еще немного поспать, все равно уже ничего не изменишь, она летит домой.

Пройти паспортный контроль было несложно, Кристина сидела за столиком кафе в аэропорту и пила американо. Первым делом она купила билет обратно, ближайший рейс будет завтра в полдень, она успеет вернуться до начала рабочего дня, этот вопрос решен, что делать теперь?

Можно было снять номер в отеле или поехать к сестре. От мысли об этом Кристина поежилась. Девушка сделала еще один глоток кофе и подумала, что у нее нет выбора. Она ведь ради этого приехала, разве нет? Всегда, когда напьется, она просыпается утром с исходящими звонками сестре на телефоне, они говорят не меньше получаса, но Кристина ничего из этих разговоров не помнит, а перезванивать на трезвую голову не хватает смелости.

«Я сделаю это, – подумала девушка, – я сейчас допью кофе и сделаю это».

Кристина подъехала к дому, в котором прожила двадцать семь лет, медленно вышла из такси и глубоко вздохнула: на часах было уже двенадцать часов, хотя для нее день только начался. Кристина прошла во двор и подняла голову вверх на квадрат серого неба.

«Чертовы колодцы, – подумала девушка, – никогда к ним не привыкну, но мне уже и не надо».

Кристина открыла дверь в парадную, поднялась на пятый этаж и застыла возле двери. У нее был ключ, но входить вот

так без приглашения было уже чересчур. Кристина глубоко вздохнула и позвонила в дверь: три коротких звонка и один подлиннее, как когда-то научила их мама (после развода родителей Кристина уехала в родной город, а сестра осталась с отцом и бабушкой в Питере).

«Когда мы с мамой разговаривали последний раз?» – подумала девушка.

Через минуту дверь открылась, на пороге стояла Лена, на ней была черная толстовка и джинсы. Кристина помнила, что сестре уже тридцать один, но на вид она больше напоминала подростка лет восемнадцати. Кто угодно, наверное, удивился бы на ее месте, но только не Лена, ее, казалось, вообще ничто не может удивить в этой жизни.

Лена в свою очередь тоже разглядывала сестру: на ней был классический серый костюм, макияж немного стерся, от нее пахло спиртным и дорогими духами.

– Проходи, я поставлю чайник, – Лена приветливо улыбнулась.

Кристина прошла за ней на маленькую кухню и села на табуретку. Лена набирала воду в электрический чайник, Кристина смотрела на ее спину, а потом взгляд начал скользить по кухне: те же обои, те же кухонные шкафы, те же чашки. Кристине показалось, что она попала во временную капсулу, но она была ненастоящей: вроде бы ничего не изменилось, и при этом изменилось все.

Лена поставила перед ней чашку растворимого кофе.

– Можно мне молока?

– Конечно.

Кристина молча пила кофе, Лена смотрела в окно.

– Ты к нам надолго?

– Завтра в двенадцать улетаю.

– Ты по делам?

– Нет, просто приехала повидаться.

– Приготовить тебе завтрак?

– Давай лучше куда-нибудь сходим.

Кристина залпом допила кофе и покинула кухню, Лена встала и пошла за ней.

Через час Кристина доедала свой омлет со шпинатом, запивая его шампанским, а Лена пила чай и все еще ждала, когда ей принесут сырники. Почти все столики в кафе были заняты.

– Как дела у Артура? Вы еще вместе? Его, кажется, не было в квартире.

Лена кивнула:

– Да, все хорошо, он сейчас в командировке, вернется на следующей неделе.

– Скучаешь?

– Конечно.

Кристина ухмыльнулась и сделала глоток шампанского.

– А что насчет тебя? Есть кто-нибудь?

– Нет, мне сейчас не до этого.

– Ну тогда, может, в будущем.

– Конечно.

Кристина с грустью подумала, что, может быть ей вообще не светит когда-либо завести серьезные отношения, может быть она не создана для этого и так и будет до конца жизни посвящать себя только работе.

– Не хочешь сходить в Эрмитаж?

– Ты решила денек побыть туристом?

– Хочу кое-что проверить.

Кристина медленно поднималась по Иорданской лестнице, Лена шла за ней. Кристина смотрела на потолок, где был изображен «Олимп» Гаспаро Дициани.

– Вот мы и пришли.

– И что ты хочешь проверить?

Людей на лестнице было немного, и Кристина сделала то, о чем мечтала еще в детстве, когда оказалась здесь впервые: легла прямо на ступени, коснувшись всем телом белого каррарского мрамора. Глядя на картину, она думала, насколько счастливее была бы ее жизнь, если бы можно было просто воспарить к потолку и стать частью чего-то большего, чем ты сам.

– Я думаю, тебе лучше встать.

Кристина медленно поднялась и отряхнула юбку.

– Я проверила, это все еще самая прекрасная картина на свете.

Лена пожала плечами:

– Я предпочитаю Кандинского.

Девушки сидели за столиком в клубе, было уже два часа ночи. После Эрмитажа они решили поужинать. Лена ела салат цезарь и выпила имбирного чая, Кристина заказала пасту и бокал красного сухого, разговор не клеился. Кристина не хотела ехать домой и молчать, глядя на старые обои, и потащила сестру в ближайший бар, а потом в еще один и еще один, это было уже четвертое заведение.

Лена пила только безалкогольный мохито, потому что не хотела оставлять машину, но Кристине казалось, что она просто за ней присматривает, и от этого становилось совсем тошно. Сквозь неоновые огни Кристина посмотрела на вечно спокойное лицо сестры и тихо сказала:

– Я рада тебя видеть, сестренка.

В этом не было никакой неловкости, ведь она не сомневалась, что никто ее не услышит.

– Просыпайся.

Кристина открыла глаза.

– Я хочу отвести тебя кое-куда, лучшее место в городе.

– Неужели?

– Вставай, потом поедem в аэропорт.

Кристина медленно встала с кровати, надела костюм, ополоснула лицо и вышла вслед за сестрой в осеннее утро.

– Можешь подремать, – сказала Лена. Кристина послушно закрыла глаза и провалилась в сон.

– Просыпайся!

В этот раз открывать глаза было еще тяжелее, все тело ломило от усталости, Кристина вывалилась из машины и на неустойчивых ногах сделал пару шагов; когда взгляд сфокусировался, от увиденного она подумала, что все еще спит. Они были на кладбище, по спине пробежал холод.

– Ты ведь ради этого приехала, разве нет? Навестить его могилу, по крайней мере об этом ты всегда говоришь, когда звонишь, если выпьешь.

Забавно, что в ее голосе не было ни осуждения, ни сарказма, просто констатация факта.

– Пойдем, я покажу, где он.

Лена уверенно прошла по закоулкам кладбища к могиле отца, которая появилась здесь всего полгода назад.

Кристина села на лавочку возле надгробия и разревелась.

– Я не хотела это все на тебя оставлять, но я совсем не могла приехать.

– Я понимаю.

– Я очень по вам скучаю.

– Я знаю, мы тоже.

Лена обнимала сестру, пока та плакала у нее на коленях, как маленький испуганный ребенок.

Машина притормозила возле аэропорта, Кристина спала на заднем сидении. Лена остановила двигатель, но не спешила будить сестру, любое движение было мучительным, сказывалась усталость от бессонной ночи. Лена так и не смогла рассказать сестре о самом главном, своей беременности, и что скоро они с Артуром уедут из Питера к его семье, а квартиру, видимо, придется сдавать. Лена думала обо всех людях, которые покинули ее, о матери, об отце, о сестре, и о том, встретятся ли они в будущем. Ей хотелось верить, что этот величественный холодный город все-таки их дождется.

Старушка по обмену

Валерия Стрекаловская

Макс Вебер позвонил в дубовую дверь питерской квартиры на Фонтанке. Звонок отозвался сложным переливом. Раздались шаркающие шаги, затем на секунду стихли, и женский голос с едва уловимой хрипотцой произнес: «Кто там?»

– Добрый вечер! Это Макс из Мюнхена. По обмену, – молодой человек тщательно повторил заранее приготовленное приветствие.

Дверь распахнулась. Перед Максом появилась аккуратная старушка в вязаном голубом берете. С высоты двухметрового роста она показалась юноше гномом из сказки братьев Гримм.

– Сейчас возьму ключи от вашей квартиры и пойдем знакомиться, – певуче произнес гном и скрылся в недрах помещения. Затем также неожиданно старушка вынырнула из бесконечного тусклого коридора, добавив к своему наряду шаль багряного цвета.

Двухкомнатная квартира оказалась на удивление большой, с высокими потолками с лепниной, старинным паркетом и камином. Она находилась на одной лестничной клетке с квартирой Леопольдины Викентьевны, так звали старушку-гнома.

– Ужин ровно в восемь, прошу не опаздывать, – изрекла Лео, так для удобства ее стал называть про себя Макс.

Лео приготовила на ужин жареную корюшку. Стол был сервирован изысканным образом: накрахмаленная скатерть, салфетки в ободках, серебряные приборы и хрустальные рюмки.

После приличествующего моменту разговора о погоде Макс рассказал, что собирается написать эссе об исторических местах Питера: «Авроре», Зимнем, Эрмитаже, Летнем саде. От культурного наследия беседа плавно повернула в русло философствования о смысле бытия. Юноша сообщил, что учится в Мюнхенском институте иностранных языков и переводов, куда он поступил после переезда из Италии. Его родители преподавали в Болонском университете, где он учился на отделении иностранных языков и литературы. Неожиданно для себя Макс рассказал про свою итальянскую любовь, которая бросила его и укатила в Америку.

– Мне даже не хотелось жить, – в запальчивости кинул юноша. – А у вас так было?

– Я рождалась три раза, – отвечала старушка.

– Расскажите?

– Родилась семимесячной в январе сорок первого. Акушерка покачала головой и молвила, что младенец не жилец. Очевидно, я очень хотела жить. И выжила. Когда началась война, папа добровольцем ушел на фронт, а мы с мамой и ее сестрой остались в блокадном Ленинграде, эвакуироваться

не успели. С войны он не вернулся, тетя скончалась от голода. А я выжила второй раз, благодаря самодельной смеси из сухого молока, хлебushка и воды. Мама больше замуж не выходила и была просто счастлива, когда я встретила морского офицера почти на полтора десятка лет старше меня. У нас была такая светлая, радостная семья, с сюрпризами, подарками, поездками. Сын был мне наградой за все пережитое. Когда ему исполнилось двадцать, он привел в дом свою будущую жену, смышленную курносую девочку без роду и племени. Она воспитывалась в детском доме. Мы всей семьей отогревали ее от холода сиротства. У молодых родился мальчик. Мой единственный внук – Борис. К тому времени я окончила театральный институт и служила в театре имени Ленсовета. Мои лучшие роли были сыграны в «Варшавской истории» и «Вишневом саду». Сын пошел по юридической стезе, невестка стала литературоведом. Борис отправился в первый класс. Воскресным днем мы с внуком ждали остальных членов семьи на даче, к традиционному семейному обеду. Муж, сын и невестка ехали вместе, за рулем был сын, он только начинал водить отцовскую машину. Они не приехали. В них врезался грузовик. Так я начала жизнь снова, в третий раз, ради внука.

Макс, потрясенный историей и тем, как ее рассказала Лео, спокойно и с достоинством, надолго умолк.

Старушка выдержала паузу и сказала:
– А теперь десерт Павловой!

Во время второго ужина, под бефстроганов и традиционную наливку из вишни, они вспоминали комичные истории из своей жизни. Макс был из потомственных немцев Поволжья. С детства он свободно болтал на двух языках, затем к ним добавился итальянский. Как-то раз, уже в Болонье, Макс подрабатывал гидом для четы пожилых немцев из Баварии. Те любили вкусно поесть и совсем не любили много ходить. Вот последнего обстоятельства молодой сопровождающий не знал и привез их на целый день в огромный парк. Через полчаса после начала пешей прогулки фрау стала беспокойно озираться по сторонам. В самой изысканной форме Макс уточнил, что дамская комната находится в центральной части парка, добраться до нее можно всего за пятнадцать минут. При слове «пятнадцать» фрау закатила глаза и томно простонала: «Шайзе». Супруг принялся ее успокаивать: «Потерпи, крошка!» Крошка, весом под центнер, продолжала жалобно вздыхать. Так они и тащились к вожденному месту, перемежая черепаший шаг заунывными всхлипываниями. Леопольдина расхохоталась от души, представив эту картину.

– Подождите, самое интересное впереди, – хихикнул Макс.

Печальная процессия приблизилась к симпатичному домику с недвусмысленными изображениями мужского и женского силуэтов.

– Что это? – неожиданно твердым голосом спросила фрау.

– Дамская комната.

– А где сосиски по-баварски?

Умирая от внутреннего смеха и пытаясь сохранить внешнее приличие, Макс узнал от супруга фрау, что тот приманил ее прогулкой в парке, пообещав баварские сосиски на гриле, до которых она была охоча. Его логика была проста: в любом цивилизованном парке есть хот-доги.

Хот-догов здесь отродясь не было. Такси, вызванное в спешном порядке, доставило чету в лучшую пиццерию города. По окончании трапезы фрау прикрыла глаза и удовлетворенно произнесла: «Фантастиш!» И добавила: «Перфекто!»

Лео развеселилась от души, в ней проснулся азарт актрисы, и она в ролях показывала Максу его самого и двух баварцев. Особенно хорошо у Лео получилась фрау с сосиской.

Ужин закончился за полночь. Старушка пожелала гостю приятных сновидений и предупредила, что завтра его ждет сюрприз.

Вечер сюрпризов начался с того, что Лео торжественно внесла в комнату свежеиспеченный пирог – настоящую кулебяку. Уплетая невиданное доселе блюдо, Макс отпускал комплименты кулинарным талантам хозяйки.

– Бросьте, это обычная стряпня, – парировала Лео.

Когда с едой было покончено, старушка потребовала разлить наливку в изящные рюмки и торжественно сказала:

– Два вопроса, любых, на которые нужно ответить со всей честностью! Два вопроса от вас мне и два вопроса от меня

вам! Начинайте, юноша!

– Откуда у вас такое непривычное имя – Леопольдина? – спросил Макс.

– Служа в театре, где всегда есть интриги, я была настоящим миротворцем, меня даже прозвали Леопольдом, в честь кота из мультфильма. Тот часто говорил: «Ребята, давайте жить дружно!» Правда, вскоре меня стали называть на женский манер – Леопольдина или, по-дружески, Лео. В то время в моем паспорте значилось имя, данное от рождения, – Евдокия. Когда я вышла на пенсию, то поменяла имя и в паспорте.

– Теперь мой черед, – весело проговорила старушка. – Почему вы путешествуете «с дивана на диван»?

– Я не любитель гостиниц, мне нравится жить в домашней среде того города, куда я приезжаю, и при этом быть независимым. Вот для таких, как я, и создан, наверное, сайт по обмену домами. Каждый раз регистрируясь на нем, я окунаюсь в новую историю: знакомства, первое впечатление, мне интересно, как раскрывается человек и его характер, какая у него профессия. Упоительное время – прелюдия к путешествию. Кстати, у вашей племянницы превосходный английский, жаль, что не удалось поговорить с ней по скайпу. К тому же она красотка, судя по фотографии! Она дала мне точные рекомендации: заберете ключи от квартиры у тети по такому-то адресу. Вы могли бы тоже так путешествовать!

– Не в моем случае. Языку не обучена, компьютер для ме-

ня – инопланетянин, да и стара я для авиаперелетов, – лукаво ответила старушка.

– Вопрос номер два, – как заправский конференсье, объявил Макс. – Почему ваш внук не живет с вами? Вам одной, наверное, бывает одиноко?

– Бывает, но не настолько, чтобы обременять собой молодого красавца-аспиранта. Мужчинам нужно давать свободу!

– Финальный вопрос литературного питерского путешествия! – торжественно огласила Лео. – Кому нужно ваше эссе?

Макс было принялся объяснять, как выбирал тему со своим руководителем, как спорил с коллегами, как сумел зажечь в них искорку интереса к Санкт-Петербургу. И вдруг смолк, в одну секунду почувствовав, что никому его эссе не нужно. Никому, кроме него.

Лео вздохнула, подошла к Макс, ласково провела по его волосам и пошла ставить чайник.

Прощание было быстрым и радостным, казалось, они расстаются на пару дней.

В такси по пути в аэропорт и в самолете Макс надиктовывал главу будущей книги о жителях Питера, где главной героиней его повести была прекрасная Лео, ей же он собирался посвятить книгу и вручить первый печатный экземпляр.

Вечером в питерской квартире раздался звонок. Внук Борис был как всегда краток:

– Привет, бабуль! Докладываю, моя коллега устроилась

великолепно. У Макса отличная квартира-студия. Все по высшему разряду, как он и писал.

– Я и не сомневалась, что ей понравится. А Макс, похоже, раскусил меня. Теперь мы оба знаем, что ему писала я! Но вслух не сказал. Из уважения ко мне и моему рецепту от одиночества!

А ты смогла бы?

Светлана Дмитриева

– А давайте махнем на выходные в Питер!

Татьяна напряглась. Опять? Нет, только не сейчас. Ведь так хорошо сидели, зачем было портить чудесный пятничный вечер. Кто это выдал? Ну конечно, Ленка, кто же еще, этот вечный генератор бредовых идей, искатель приключений на все их головы.

– Ура-ура, едем в Питер! – Ленька уже поддакивает Ленке, глядя на нее с собачьей преданностью.

Само собой, кто бы сомневался. Этот подпевала разве скажет что-нибудь против, даже если сам не хочет ехать? Он сделает все, что захочет Ленка, взбалмошная рыжеволосая красотка. С первого курса ходит за ней хвостом. А она и приблизиться не дает, и отпускать не отпускает, пользуется дурачком.

Женька-Она и Женька-Он тут же радостно закивали. Неразлучная парочка всегда была готова на любую авантюру. Мало того, что тезки, они еще и внешне были похожи – худощавые, кареглазые, с короткими ежиками темных волос и одинаковыми татушками в виде символов инь и ян на правых предплечьях, – так что все принимали их за брата и сестру.

Как же она ненавидела их внезапные «махнем в Питер», но друзья упрямо держались за эту идею и с завидным постоянством выдавали ее на посиделках однокурсников. Иногда Татьяне везло, и наутро никто ничего не помнил, но чаще приходилось воплощать идею в жизнь.

Она решительно не понимала этого повального увлечения москвичей Питером. Любовь должна быть взаимна, а этот город, по ее ощущениям, московских гостей не особо жаловал, скорее снисходил до них. Какое удовольствие ехать в такую даль на один день без повода, просто так? И почему надо тащиться туда вместе, всей толпой? Должен же быть какой-то смысл. Билеты на премьеру – законный повод для поездки. Модная выставка, открытие нового музея, в конце концов, даже юбилей родственников – тоже веские причины. А шататься без цели – это даже пошло. Не говоря уже о том, что на дворе ноябрь.

«Погулять», – с придыханием говорили друзья, мечтательно закатывая глаза. «Погулять» в их понимании – это брести, куда ноги поведут. Но дело в том, что ноги почему-то вели всегда по одному и тому же маршруту, и Татьяна знала его наизусть. От вокзала решат идти пешком по Невскому, вместо того, чтобы сэкономить силы. Надолго зависнут на Аничковом: кому-нибудь обязательно позарез понадобится добежать до Чижики, ведь всегда есть новые желания. Все, кроме Татьяны, тоже захотят испытать свои шансы, а она останется ждать на мосту, потому что сколько уже

можно любоваться птичкой, которую и рассмотреть-то толком не удастся.

Ей важно было чувство новизны, а с однокурсниками всегда получался бег по кругу. У Спаса на Крови непременно найдется кто-то, кто еще не бывал внутри, и опять Татьяна останется томиться в ожидании. Ее не захотят отпустить даже в кафе – вдруг друзья с ней разминутся, – хотя давно пора будет завтракать, и под ложечкой станет подсасывать все сильнее... Нерадостная перспектива.

И почему она никогда не может отказать? Почему еще со времен института друзья виснут на шее, признавая в ней великого организатора и руководителя? Как дети малые, всегда смотрят на Татьяну с надеждой, что она все придумает и устроит. Да и она привыкла считать, что сами они не справятся, обязательно куда-нибудь вляпаются, так что лучше уж за ними присматривать.

«Похоже, мне не отвертеться, – приуныла Татьяна, глядя на оживившиеся лица ребят. – Может, к утру передумают». Но главный удар был впереди:

– Так, зачем откладывать? Таня, бери билеты. Давай на завтра на утро! – провозгласила Ленка, потряхнув пышной шевелюрой.

Уже в «Сапсане» Татьяна пожалела о том, что согласилась. Вставать пришлось рано, еще до пяти, легли поздно, спала она плохо и в поезд села до крайности раздраженная, предвкушая утомительный день. Зато друзья весело щебетали,

как будто не было у них бессонной ночи. И откуда только силы берут?

«Ну уж нет, в этот раз будет по-моему, никакого Невского и никакого Чижики! Только новые маршруты!» – внезапно решила Татьяна и так же внезапно успокоилась от этой мысли.

Толпа вынесла их из Московского вокзала на площадь прямо в объятия пронизывающего ветра и противной мелкой мороси. «Отлично. Все, как мы любим», – пробурчала про себя Татьяна.

Прямо у дверей топтался зазывала с ярко-красным плакатом и «кричалкой»:

– Эксклюзивная автобусная экскурсия! Такого вы еще не видели! Только у нас! Погружение в историю Петербурга! Новейшие спецэффекты! Теплый автобус с кофемашиной! Кофе входит в стоимость! Круговой обзор! Отправляемся через пару минут, осталось пять мест!

«Это мой шанс», – быстро сориентировалась Татьяна и, ухватив за рукав Ленку, потащила за собой. Другим ничего не оставалось, как последовать за ними. Не успев сообразить, что происходит, они расписались на каких-то бумажках, которые сунул им в руки гид при входе в автобус, и запрыгнули в салон.

– Мы находимся на Невском проспекте в конце семидеся-

тых годов позапрошлого столетия. Народ ждет проезда цесаревича в Александро-Невскую лавру, – вещал гид. – Напоминаю, что выходить из автобуса строжайше запрещено.

Из окон виднелись зеваки, теснившиеся вдоль домов. Городовые строго следили за тем, чтобы никто не выходил на дорогу.

«Надо же, как натуралистично, – удивилась Татьяна. – Откуда они столько статистов набрали? И костюмы – недешевое удовольствие. Да еще Невский перекрыть. Ну ладно, статистов можно нагнать. А с домами что они сделали? Кстати, где это мы? Ага, вон впереди Казанский собор. Не поняла – а где дом Зингера? Фонари тоже какие-то странные, похоже, газовые. Или это и есть спецэффекты, о которых гид говорил? Неплохо, неплохо».

В лобовое стекло она увидела приближающуюся карету, перед которой ехали верховые на белых лошадях. Внезапно ее внимание отвлекло какое-то движение сбоку от автобуса. В первые ряды зевак выбился юноша, в руках он держал подозрительный сверток. Смутное понимание зародилось в голове у Татьяны, но не успела она до конца осознать случившееся, как Женька-Он вскрикнул и быстро метнулся к двери. Отжав ее, вывалился наружу и бросился к парню, повалил того на землю и закрыл собой странный сверток.

В этот момент окна заволокло туманом, а когда он рассеялся, автобус уже катил по набережной Мойки. Ребята вскочили с мест, наперебой требуя от гида остановки и объясне-

ний.

— Мы не можем останавливаться, у нас график, — отбивался гид. — Я ведь предупреждал, что нельзя покидать автобус. Ваш товарищ нарушил технику безопасности.

Набережная казалась пустынной. Первые этажи домов зияли выбитыми стеклами. Одинокое прохожие жались к стенам. Ветер гонял по дороге какие-то обрывки бумаг и тряпья. Пересекая Вознесенский проспект, туристы увидели отряд моряков, удаляющийся от реки, и до них донеслась матросская песня.

На углу Фонарного переулка притормозили. Гид бодро излагал что-то насчет колыбели трех революций, но Татьяна не слушала. Думая о том, где теперь искать Женьку-Его, она рассеянно смотрела в окно. Вдоль переулка по направлению к набережной опасно пробиралась девушка в коротком тулупе с длинной косой, перекинутой на грудь. Она прижимала к себе сверток, из которого виднелась буханка хлеба. Татьяна вдруг заметила за углом двух притаившихся мужчин, у одного из рукава выглядывал нож. Как оказалось, их увидела не только она:

— Что вы сидите! Они же сейчас ее ограбят! — заголосила на весь автобус Ленка и рванулась наружу. Дверь на удивление легко поддалась, и через секунду подруга Татьяны уже мчалась в сторону бандитов. За ней метнулся верный Ленка...

– Женька, хоть ты не пропадай! И так уже этих троих после экскурсии по всему Питеру собирать. Ну что за народ, не отличают постановку от реальности. Хорошо еще, если на вокзал успеем. И билеты все у меня, они ведь даже номер поезда не знают, – обреченно произнесла Татьяна.

Она в сотый раз покаялась, что ввязалась в эту авантюру. Хотелось как лучше, а получилось как всегда. Нет, даже хуже. Как всегда – это всем вместе после привычного маршрута ввалиться в теплый вагон и с наслаждением вытянуть ноюющие ноги. А сейчас впереди была одна нервотрепка. Татьяна знала, что завтра она будет весь день лежать без сил, пытаясь восстановиться перед тяжелой рабочей неделей. «Ладно, надо хотя бы немного гида послушать. Зря, что ли, я поехала на эту экскурсию. Все остальное потом», – решила она.

Автобус уже стоял в узком переулке перед темной аркой, ведущей во двор-колодец. Все вокруг казалось одинаково серым. Неподалеку почти сливался со стеной «воронка». В арке показались три фигуры: двое в штатском, тоже какие-то серые, между ними – молодая женщина в легком пальто с непокрытой головой. В ее лице ни кровинки, светлые волосы растрепаны, на босых ногах почему-то лакированные лодочки. Трое направились к «воронке». Из арки вслед за ними выбежала девочка-подросток и бросилась к женщине. Серые штатские стали торопливо запикивать женщину в машину, не давая девочке подойти к ней.

Вдруг в этой картине возникла еще одна фигура: Женька-Она яростно пыталась вырвать арестованную из рук мужчин. Мгновение – и она исчезла в «воронке»...

Автобус подкатил к Московскому вокзалу. Татьяна сидела подавленная, не в силах собрать свои мысли и решить, что делать дальше. Как разыскивать друзей по всему Питеру? Их мобильники, на которые она непрерывно названивала, молчали.

– Наша экскурсия подошла к концу. Надеюсь, вам понравилось. Желаю приятного вечера! – гид провожал туристов.

– А вас я попрошу задержаться, – преградил он дорогу Татьяне, которая наконец поднялась с места.

Она села обратно.

– Так, уважаемая, вам придется заплатить штраф за своих товарищей.

– Какой еще штраф?

– Они нарушили технику безопасности. Перед посадкой в автобус вы все подписали инструкцию и договор по оказанию услуг. Вот подписи ваших друзей, узнаете? – гид помахал перед носом Татьяны папкой с бумагами.

Татьяна обескуражено помолчала. Естественно, никто из них не прочитал документы перед тем, как подписывать. Все те же грабли... Кажется, придется заплатить.

– И какой штраф?

Шестизначное число ошарашило ее:

– Сколько? Вы с ума сошли! Почему так много?

– А вы не понимаете? Ваши приятели пытались нарушить ход истории. Нашим сотрудникам придется ликвидировать последствия их вмешательства. Это ювелирная работа, она стоит очень дорого. Так что за ущерб придется раскошелиться.

Татьяна медленно переваривала услышанное. Наконец до нее дошло: это никакие не спецэффекты, они и правда путешествовали во времени. От ее апатии не осталось и следа. Она рассвирепела:

– Да как вы могли подвергать людей такому риску! Это же безумие! Я на вас в суд подам! Сейчас же отправляюсь в полицию!

– Успокойтесь, уважаемая! Наше турагентство действует строго в рамках закона. Напоминаю, вы все добровольно подписали инструкцию, – гид снова помахал папкой. – Юридически все чисто. Так что, будем платить?

Мысленно простившись со всеми своими накоплениями, Татьяна обреченно вздохнула и вытащила банковскую карту.

– Будем. Только мне надо немного времени, чтобы перевести на карту деньги со вклада.

Денег хватало впритык. Ладно, она потом разберется, сейчас главное отвязаться от гида и выбраться наконец из этого проклятого автобуса.

– Минуточку, это еще не все. Вы про друзей своих не забыли? Где вы только взяли таких наивных недотеп? Может,

хотите оставить их там, в прошлом?

Татьяну обожгла обида: ее друзья не недотепы, они, не раздумывая, бросились спасать людей. Это было так неожиданно, ведь она и сама, если честно, привыкла считать их неприспособленными и инфантильными. А турагентство? Это же форменное безобразие, то, что они творят! Она уже собралась высказать гиду все, что думает, но опомнилась: сейчас не время, надо вызволять ребят.

– И как их вернуть?

– А вы не догадываетесь? – ухмыльнулся гид.

До Татьяны стало доходить:

– Нужны еще деньги?

– Я рад, что вы это понимаете. Работу по возвращению людей мы производим по особому тарифу. Так, умножаем на четыре, – гид потыкал пальцем в калькулятор и показал Татьяне семизначное число.

У нее поплыло перед глазами. Где она возьмет такую сумму?

Через час, открыв онлайн три кредита в разных банках, опустошив по доверенности мамин пенсионный счет и заняв еще пару сотен тысяч у брата, Татьяна на ватных ногах вышла из автобуса и медленно побрела ко входу в вокзал. Ну, сейчас она им устроит!

Татьяна оглядела поникших друзей, рядком сидевших в зале ожидания. Порядком измотанные, они не поднимали

на нее глаз. Женька-Он выглядел изрядно помятым, рукав его куртки был почти оторван. Прижавшаяся к нему Женька-Она смотрелась не лучше: расцарапанный лоб, кровоподтеки под носом. У Ленки пальто распорото ножом, прическа дыбом. Ленка весь в грязи, на лице след от чьей-то пятерни.

У Татьяны сжалось сердце, и все же она не удержалась от укора:

– Надеюсь, вы нагулялись по Питеру на всю оставшуюся жизнь?

Ребята долго молчали. Но вот у Ленки в глазах блеснула искорка авантюризма:

– Танюх, мы с Ленькой навели там шороху! – Ленка явно не растеряла до конца боевой дух. – Если бы нас не вытащили, мы бы этим бандюганам еще добавили!

– Тань, ты даже не представляешь, что творили эти гады в машине... – Женька-Она не смогла договорить, голос у нее пресекся.

– А я даже ничего понять не успел. Только толкнул парня – и нас уже обоих куда-то волокут. Еле вырвался, потом дворами долго петлял, уже думал, никогда не выберусь, – Женька-Он тоже начал потихоньку что-то рассказывать, как будто оттаивая.

Друзья вдруг заговорили разом, перебивая друг друга, но Татьяна уже почти не слушала. Ее штормило: эмоции метались от гнева к жалости и нежности, от вины к восхищению и уважению. Она решила, что не скажет, сколько на самом

деле ей пришлось заплатить, им и так досталось, сама как-нибудь закроет долги. Конечно, стресс она испытала нешуточный, но это не сравнить с тем, что пришлось пережить ребятам. Вот тебе и дети малые.

«Сегодня день открытий», – подумалось Татьяне. Вряд ли она теперь сможет относиться к друзьям, как прежде, немного свысока. Она-то считала, что за этими «несмышленишками» нужен глаз да глаз, а они проявили такие качества, которые... Да, вот он – главный вопрос! Татьяна поняла, какую мысль бессознательно отгоняла с того момента, как из автобуса выпрыгнул Женька-Он, и уже знала, что от нее не получится отвертеться. В конце концов придется честно спросить себя: «Таня, а ты так смогла бы?»

Там, где истоки. Алина

Инесса Барра

Звук ложечки, размешивающей сахар в стакане с горячим чаем, сливался с мерным стуком колес, укачивал, как в детстве и вводил в особое состояние, близкое к медитативному. Поезд уносил Алину из Питера домой.

Она сидела в купе, смотрела на мелькающий за окном пейзаж и надеялась, что каким-то чудом доедет до своей станции без соседей по купе. Ей хотелось побыть наедине со своими впечатлениями от поездки и заглянуть в альбом, который она прихватила с собой из дома. Сын искал для нее зонт на антресолях и задел старую коробку, из которой вывалилась кожаная папка. Алина удивилась: вроде бы никогда раньше ее не видела, но открыв, заметила пару старых фотографий и решила взять с собой, сунула их в свою дорожную сумку с мыслью посмотреть по дороге в Питер. Но в пути оказалась в одном купе с веселой компанией и было не до альбома.

Сейчас она мысленно вновь погрузилась в те несколько насыщенных белых дней и белых ночей, одинаково светлых и подвижных. Алина вспоминала, как гуляла по саду Екатерининского дворца, куда ее уговорили поехать на экскурсию коллеги. Ничего не понимая в архитектуре, она ходила по

бело-золотым залам с открытым ртом и полными восхищения глазами. Ей не верилось, что это не просто музей, а чей-то дом, что раньше здесь жили люди, конечно, не простые люди, но все же.

Затем она перенеслась в воспоминаниях на Дворцовую площадь, вновь прошла по бесчисленным залам Эрмитажа. Ее поражал размах, масштабы. Казалось, вся широта и мощь русской души нашли свое воплощение в этом невероятном городе. Когда читаешь в школьных учебниках истории о том, как был заложен Петербург и сколько всего здесь произошло со времен основания, для тебя это просто буквы на листе бумаги, но, погрузившись в атмосферу города, начинаешь его ощущать совсем иначе.

Алина отпила из стакана все еще горячий чай, достала из сумки альбом, и из него выпала пожелтевшая фотография. Две стройные молодые девушки улыбаются в объектив фотоаппарата. В одной из них Алина узнала бабушку. Присмотрелась к мутному снимку и заметила форму. Стоп. Точно такую же она видела вчера среди экспонатов музея связи, куда каким-то странным образом попала, отбившись от коллег.

С утра они все вместе ходили поздороваться с Медным всадником, затем побывали на экскурсии в потрясающем Исаакиевском соборе и даже взобрались на самый верх, откуда был такой вид, что дух захватывало. Потом все разошлись по своим делам: кто на шопинг, кто в кафе, а Алина, замешкавшись, отстала. Пыталась догнать коллег, но, войдя

в Александровский сад, замедлила шаг на его аллеях, любясь неспешностью праздно гуляющих туристов, и решила просто расслабиться.

До вечернего спектакля в Мариинке еще оставалось достаточно времени и можно было наугад побродить по Питерским улочкам. Ей хотелось обязательно побывать в ресторане «Идиот», увидеть своими глазами его аутентичную обстановку, а заодно и пообедать. Глядя на карту, она заметила, что ресторан расположен как раз на пути к Мариинскому театру. «Решено, иду в «Идиот»!»

Выйдя из сада, она взяла направление на Конногвардейский бульвар, а потом собралась было свернуть налево в Почтамтский переулок. Вдруг невзрачная надпись слева привлекла ее внимание: «Центральный музей связи имени А. С. Попова». Дверь оказалась открыта, и она подумала, что нужно отдать должное человеку, именем которого была названа улица в ее родном городе, где она в детстве проводила незабываемые летние каникулы у бабушки. И шагнула внутрь. Алина побродила по пустым залам музея, сделала пару фотографий и побежала дальше. В животе урчало, нужно успеть перекусить и главное – не опоздать на спектакль. Как можно было уместить столько впечатлений в пять коротких дней?

Алина перевернула фотографию. На обороте прочла: «*На память моим родителям. Ленинград. 1948 г.*» Не может быть! Это точно бабушка? В альбоме были не только фото-

графии, но и открытки, конверты с письмами внутри, просто вырванные листочки, исписанные аккуратным ровным почерком, правда, кое-где буквы, написанные чернилами, расплылись.

Забыв про чай, про пейзаж за окном, про поезд, Алина погружалась в историю семьи. Невероятно, оказывается, бабушка жила и работала в Ленинграде! Почему она об этом мне никогда не рассказывала?

Алина набрала маме:

– Да. Доченька? Что-то случилось? Уже поздно.

– Привет, мам, тут такое дело... извини, я знаю, ты, наверное, собираешься уже ложиться спать, но... – и Алина рассказала маме о своей находке.

– Да, твоя бабушка в молодости жила в Ленинграде. Она там закончила курсы и работала на почте.

– Не может быть! Знаешь, я случайно оказалась в музее связи, там в витрине была такая же форма, как на фото, – Алина оборвала предложение. В голове пронеслась мысль о том, что возможно все это не случайно. Ведь она еще пять минут назад ничего не знала о жизни бабушки в северной столице.

– И что там интересного? – перевела разговор мама. – Помню, как я любила гулять в Екатерининском парке, там еще рядом лицей, где Пушкин учился, – голос казался мечтательно-ностальгическим.

– Мам, что значит «любила гулять»? Скажи еще, что и ты

жила в Питере! – Алина усмехнулась в трубку, а сама подумала: «Да что за секреты такие вдруг всплывают?»

– Не в Питере, а в Ленинграде. И не жила, а часто приезжала в гости к двоюродной бабушке, она как раз в Пушкине жила, неподалеку от дворца Екатерины. Я тоже чуть не осталась там жить... Ладно, к чему эти воспоминания на ночь глядя? Уже почти полночь, мне пора спать. Целую, дорогая. Спокойной ночи.

– Целую. Пока, – Алина не заметила, как рука с телефоном сама опустилась на кушетку.

«Тук-тук, тук-тук, тук-тук, тук-тук», – колеса выстукивали мерный ритм. Алина еще какое-то время сидела, задумчиво глядя в черный квадрат окна, а потом незаметно для себя заснула.

Сон был крайне странный, впрочем, как многие сны: будто идет она по лесу в компании нескольких людей, лиц которых не видит, и внезапно они выходят к болотистой местности, на кочках стоит небольшой дом, а Алине и ее спутникам нужно пройти на ту сторону болота, где снова начинается лес. Почва под ногами неустойчивая, они прыгают с кочки на кочку, ноги мокрые, начинается дождь. Добираются до домика с надеждой укрыться там от дождя, но не находят дверей.

Затем картинка внезапно меняется, и Алина понимает, что находится во дворце, где была недавно на экскурсии. Огромная светлая зала залита миллионом огней, они застав-

ляют сиять позолоту, которая здесь украшает абсолютно все: люстры, мебель, фигуры ангелов, лепнину вокруг окон и по всем стенам. Эти золотистые лучи отражаются в зеркалах и заливают все вокруг. Светло, как днем. Вот-вот должно начаться какое-то торжество или бал, гости все нарядные: дамы одеты в пышные платья, у них высокие прически – по моде девятнадцатого века. Слышны фразы на французском. Мужчина в ливрее объявляет вновь прибывших гостей: «Княжна Ольга Романова». Внезапно начинает играть музыка, и в этот момент перед Алиной появляется мужчина в ливрее и белом напудренном парике с золотым подносом в руке. «Шампань, мадам?» – произносит он на французский манер, склонив голову. Алина машинально берет бокал, замечая на подносе ветхий выцветший листок бумаги. Она делает глоток, пузырьки щекочут ей нос, и она громко чихает. Именно в этот момент поезд резко остановился, и она проснулась. «Бред какой-то! Приснится же такое!»

Алина потерла руками лицо и снова взглянула на папку с фотографиями. Открыла ее, пролистала, снова закрыла. Перед тем как сложить альбом в сумку, она обнаружила пожелтевший листок, который почему-то до этого не замечала. На потемневшей, почти ржавой бумаге с расплывшимися печатями она разобрала слова: «Свидетельство о рождении. Романова Ольга». Алину бросило в жар. Она тут же позвонила матери:

– Мама! Кто такая Романова Ольга?

– С добрым утром, дорогая! Ты что, не спала совсем, какой-то голос у тебя усталый. Ты уже дома? – словно не обращая внимания на ее вопрос, сказала мама.

– Привет. Мам, мне такой странный сон снился, а сейчас я вдруг нашла еще и свидетельство о рождении Ольги.

– Пассажиры, сдаем постели, через полчаса прибываем, – проводница шла по коридору поезда, громко возвещая о правилах и бесцеремонно открывая двери купе.

– Ты имеешь в виду мою бабушку Олю, наверное, дочка? Какой там год рождения стоит? – услышала в трубке Алина.

– После цифры «один» ничего разобрать невозможно, мам. Чья она бабушка? Как так случилось, что я о ней не знаю?

– Алиночка, она умерла, когда мне было лет десять, наверное. И вообще не помню, чтобы она о себе что-то рассказывала. Помню только одно: она говорила, что у нее был брат, но я его не знала.

– Мам, если у нее был брат, то наверное есть еще какие-то наши родственники, фотографии или документы? – интерес к семейным историям все возрастал. Можно сказать, случайная поездка в Питер вот так начала разматывать какой-то клубок родовых тайн. Удивительно!

– Ой, давай потом об этом, мне пора бежать, а ты тоже собирайся, а то я слышала, что вы уже скоро прибываете. Позвони мне завтра, сегодня весь день занята, а вечером у меня встреча в танцевальном клубе. Целую. Пока.

– Пока, мам. Позвоню, – Алина обернулась, в дверях купе стоял царь, Николай Второй. Алина зажмурилась, вновь через пару секунд открыла глаза. Мужчина был похож на последнего русского царя как две капли воды: аккуратная борода, усы слегка подкручены вверх, коротко стрижен, легкие залысины с двух сторон, военная форма.

– Извините, девушка, я увидел, что у вас дверь открыта. Не найдется ли у вас иголки с ниткой? Пуговицу нечаянно оторвал. Вот такая незадача, – мужчина с надеждой смотрел прямо в глаза Алине. Пронзительный взгляд, на открытой ладони крошечная пуговица.

– Э... что? – Алина замороженно смотрела на него и не могла отделаться от наваждения.

– Нитки с иглой у вас случайно не найдется? – повторил мужчина.

– А! Нет, извините, у меня нет.

Он развернулся и пошел в соседнее купе. «Оля, в купе справа у девушки тоже нет иголки», – произнес тот же голос. «Может, под кителем не видно будет? В следующий раз обязательно возьму свои швейные принадлежности», – ответил ему женский голос.

Алина быстро умылась, сдала белье. Поезд как раз остановился. Она взяла сумку и вышла на ярко освещенный солнцем перрон родного города.

Под впечатлением от поездки и внезапно открывшейся се-

мейной тайны, Алину не отпускала мысль: возможно ли найти кого-то по линии прабабки? Удивительно, почему даже мама ничего не знает? Не проблема, есть место, где можно найти ответы на все вопросы – всемогущий интернет.

В результате поисков она вышла на сайт, где можно было найти родственников, зарегистрировала профиль, указав свое имя и адрес электронной почты. Алина совершила еще один неожиданный для себя поступок: решила сделать тест ДНК. Обещали, что результаты будут готовы через пару недель. Вначале она с нетерпением каждый день проверяла, нет ли новостей. Прошел месяц. «Как долго они там анализируют человеческие гены» – думала Алина. Чтобы ожидание не было таким томительным, она решила отвлечься и погрузилась в рутину повседневных дел и забот.

Выдались теплые осенние дни, в выходные Алина ходила по магазинам и встречалась с друзьями, а вечером в воскресенье открыла электронную почту и обнаружила там письмо на английском языке. Обратный адрес незнаком. В письме предлагалось познакомиться поближе с предполагаемой родственницей, а для этого Алину приглашали, как ни странно, в город, недавно открывший ей новые факты о ее семье. Ниже стояла подпись: Анна, а рядом небольшой вензель, в котором угадывалась латинская «R».

Похоже, генеалогическое древо без участия Алины ожило и у него начали проявляться новые ветки. Сердце заби-

лось так часто, что ей потребовалась пара минут, чтобы успокоиться и перечитать каждую букву письма несколько раз. Вихрь мыслей закружился в голове, но Алина внезапно встала, уже приняв безумное решение. Зашла в комнату к сыну и сказала:

– Гоша, думаю, твои осенние каникулы начнутся гораздо раньше. Ты все еще хочешь в питерский музей военно-морского флота?

Сын поднял голову от тетради, посмотрел на мать огромными круглыми глазами, потом подпрыгнул, подбежал к ней, обнял.

– Мам, чё, правда? Поедем смотреть настоящие корабли? Это из-за моей пятерки по истории?

Алина обняла его в ответ, чмокнула в макушку и задумчиво сказала:

– Думаю, нас ждут там удивительные встречи и знакомства. У меня такое чувство, что это будет незабываемая поездка!

Там, где истоки. Анна

Светлана Громович

*Посвящается моему деду Алексею
и прадеду Георгию*

Она бежит что есть силы, спотыкается, падает. Чувствует, как в ладони впивается что-то острое, но не обращает внимания на боль. Нужно скрыться, уцелеть, выжить. Слышатся настигающие шаги и тяжелое мужское дыхание. Глухой удар в спину и...

– Нет! – Ани просыпается от собственного крика, на лбу – испарина, сердце бешено колотится.

Каждый год где-то в середине лета повторяется этот сон. Ани встает с кровати, ощущая под ногами приятную прохладу, подходит к открытому окну и глубоко дышит предрасветным насыщенным морским воздухом.

Хорошо, что Джон в командировке и в этот раз не видит ее ночных метаний. Когда вернется, они отправятся в семейный августовский отпуск, ставший уже традицией.

Остатки сна растворились. Ани прошла в гостиную и включила телевизор, удобно расположившись в подвесном кресле. Размеренное покачивание постепенно приводило к умиротворению. На российском канале журналист рассказывал про Ипатьевский монастырь. Совсем малышкой она по-

бывала там, и, несмотря на возраст, хорошо запомнила его белоснежные стены, отливающие легкой голубизной. Особое впечатление тогда произвела одна икона, усыпанная драгоценностями, напротив которой Ани стояла и не могла отвести взгляда. Казалось, что от изображения идет теплый розовый свет. Она даже вытянула вперед руку, словно хотела коснуться необычного сияния.

– Фе-о-до-rrr... Деда, у меня получается? – крикнула она.

– Тише-тише, Аннушка. Все верно, – проговорил дедушка, ласково поглаживая внучку по голове. – Чудодейственная икона божьей матери. Ей можно помолиться об отечестве и попросить защиты. С давних времен сюда приходили сами императоры за благословением, – объяснял он, низко кланясь. – Пусть и нам поможет отыскать потерянное.

Сейчас Ани казалось, что все это происходило в какой-то другой жизни. В той, где она лишь однажды ярким солнечным летом гостила у бабушки Алексея в Петербурге. В доме с видом на величественный собор с большим сияющим куполом, на который часто смотрела из открытых балконных дверей и щурилась от золотистого блеска.

Тогда-то она и ездила с дедом в Кострому по очень важным делам – «на поиски», как едва слышно и очень таинственно говорил дед Алексей. А всю обратную дорогу они провели в молчании – казалось, дедушка был чем-то расстроен и, качая головой, все повторял: «и тут нет, и тут нет,

где же искать...»

Сколько ей тогда было – шесть или семь – сейчас уже и не вспомнить. Спросить не у кого – родители умерли слишком рано, да и деда давно нет в живых. Других родственников она до сих пор не нашла. И совсем потеряла надежду, что когда-то такое случится.

Однако чем старше Ани становилась, тем сильнее испытывала потребность приблизиться к своим корням, и ее непреодолимо тянуло на родину деда. Она все ярче ощущала прочную и неразрывную семейную связь, которая соединяла в одно целое тысячи жизней и судеб абсолютно разных людей. Последние несколько месяцев на Ани накатывала необъяснимая тоска, хотелось все бросить и улететь в Петербург. Чтобы как-то успокоить душевное волнение, она начала заново учить русский язык.

Ани, Анна Смит. Успешная женщина средних лет. Элегантная, с утонченными манерами и благородной осанкой. Темно-русые волнистые волосы поражали своей густотой. Взгляд карих глаз удивлял глубиной, что придавало ей некую таинственность. Ани всегда держалась так, как будто ничего не знала о боли, поражении, страхе и неудачах. Независимо от обстоятельств находила повод для улыбки и добрых слов. С легкостью руководила бизнесом и решала серьезные вопросы наравне с мужем. Как говорил про нее один из русских представителей компании – по случаю могла и шашкой махнуть. Отличалась сдержанностью, стойкостью и широтой ду-

ши, присущей только русским. Хотя на самом деле была легкоранима и дома могла показать свою слабость с таким королевским достоинством, что это не переставало восхищать супруга вот уже многие годы.

Из отпуска Ани вернулась обновленной и в заботах не заметила, как пролетел сентябрь. А сегодня, в первый октябрьский день, проходя в обед мимо кондитерской, она внезапно остановилась и затаила дыхание в каком-то предчувствии.

«Лети! Настало время!» – откуда-то издалека доносились слова и попадали прямоком в растревоженное сердце. Ани почти бегом добралась до дома, забыв о том, куда шла. Скинула туфли и взбежала по ступенькам в спальню. Выдохнула. Улыбнулась. Достала из сумочки телефон и забронировала билет на самолет. Улыбнулась. Затем набрала текст: «Джони, милый, мне нужно срочно уехать, иначе я потеряю не только время, но и саму себя. Обещаю вернуться как можно скорее. P.S. С Кэтрин договорилась, она побудет с детьми».

Ани была уверена, муж поймет и поддержит. Уже много лет они идут рука об руку в одном направлении, вдохновляя и подбадривая друг друга. Построили крупный семейный бизнес, родили четверых детей. Жизнь их была полна неожиданностей, подъемов и спусков, крутых виражей и божьей благодати.

Не прошло и десяти минут, как раздался сигнал сообщения: «Я забронировал для тебя апартаменты с потрясающим видом. Жду обратно с хорошими новостями». Ани улыбну-

лась, ее окатило горячей волной любви.

«Включи телевизор», – вслед за первым прилетело новое сообщение от мужа. Ани нажала кнопку на пульте и замерла. Крупный план Исаакиевского собора отозвался саднящей тоскливой болью в сердце. И давняя рана снова закровоточила, как будто Ани, изможденная и испытывающая жажду, уже в течение столетия бродила по свету в поисках чего-то потерянного, но пока так и не смогла ни найти, ни остановиться.

В новостях показывали фрагмент церемонии венчания важной персоны. «Георгий... имя как у прадеда. Ты свой или чужой?» – мысль о том, что с этим человеком или с каким-то другим, о ком она еще не знала, могут быть общие корни, вызвала легкое головокружение. И Ани невольно погрузилась в историю их семьи...

Звонкая птичья трель на смартфоне выдернула Ани из воспоминаний. Открыв почту, она увидела новое письмо из Центра генеалогии. Много лет назад ей порекомендовали оставить у них заявку на поиск людей, близких по крови. Но почти все время оттуда не было вестей. Единственное, что грело душу Ани все эти годы, – надежда на чудо. А еще казалось, что отовсюду посылались знаки: картинки с изображениями знакомых мест, случайно услышанные обрывки фраз на русском языке с упоминанием значимых для нее имен – Ольга, Анна, Павел, Елизавета, Алексей, Георгий.

В письме было написано, что у нее, возможно, появился

новый родственник, и сообщались его данные и электронный адрес. Внутри все затрепетало. Ани почувствовала сильную тягу к родному и незамедлительно отправила по указанному имейлу предложение встретиться в Петербурге в ближайшее время. Радость от того, что все может сложиться удачно, подстегнула ее и взбудоражила кровь. И без того хорошее настроение стало еще лучше.

Ани закидывала вещи в чемодан с таким рвением, будто каждая секунда промедления теперь могла стоить кому-то жизни. Другой рукой она держала телефон и на громкой связи давала четкие инструкции своему секретарю.

Уже сидя в зале ожидания аэропорта, Ани получила ответ с подтверждением встречи в Петербурге. Потенциальный родственник будет там в это же самое время. С замиранием сердца Ани перечитала текст несколько раз. Такое совпадение она приняла за добрый знак.

В самолете Ани вспоминала деда Алексея и историю их семьи, которую он рассказал ей перед тем, как она улетела обратно за границу. Они стояли на крыше какого-то дома, держась за руки, смотрели на город и пролетающих мимо птиц. Созерцали бездонно-голубое небо над кудрявыми облаками. В воздухе витали ароматы цветущих лип и прогретого солнцем асфальта.

Слова деда сливались с птичьим пением и отдаленным шумом дороги, похожим на спокойный плеск реки. Как сейчас она слышит его приглушенный бархатный голос:

«Аннушка, незадолго до того, как в царской России стало беспокойно, родился мой отец, твой прадед Георгий. Совсем маленькими отца и его сестру Ольгу удалось тайком вывезти из дворца в один из городов России. Приемные родители не скрывали от детей, кто они и откуда родом, но строго-настрого запретили об этом говорить кому-либо чужому. В скором времени твоего прадеда с сестрой разлучили. Отец и сам толком ничего не помнил, но по каким-то причинам он остался в семье один, а Ольгу забрали другие люди. Они так больше и не встретились. До сих пор ничего неизвестно о ней. Я долго искал Ольгу, сначала с отцом, а потом один. Мотался по разным городам и селам, но так и не нашел. Знай, Аннушка, где-то есть еще наши родные. Чую, что есть. Но мне пока не удалось отыскать...»

«Где-то есть, бабушка, знаю. Я тоже ищу», – думала Ани. Столько лет по просьбе деда она хранила семейную тайну и оберегала от посторонних глаз и ушей, столько раз порывалась поехать в Петербург, но что-то останавливало. Единственный, кто знал обо всех событиях прошлых столетий, был ее дорогой Джон. Он очень хотел, чтобы сбылась мечта его любимой.

Самолет мягко совершил посадку. Ани глубоко вздохнула и решительно сошла по трапу. Солнце приветливо выглянуло из-за туч и щедро осветило улицу, отражаясь ярким блеском в маленьких островках-лужах.

– Я дома, – из уст Ани неожиданно вырвались слова, как

будто только и ждавшие этого момента. Немного защипало в глазах. Такси быстро доставило Ани на Исаакиевскую площадь, дом семь. У парадной ее встретили и проводили в апартаменты.

Из окон открывался прекрасный вид на широкую улицу и тот самый собор. Она распахнула высокую дверь, вышла на балкончик и растрогалась. Ани испытывала смешанные чувства – предвкушение и тревогу, счастье и сомнение, признательность мужу за внимательность и заботу, радость и тоску, и боль от событий прошлых столетий. А еще – сильное волнение от предстоящей встречи у памятника Николаю Первому. Город постепенно окутывали сумерки, и загорались мягкие желтые огни...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.